

DOI: 10.31696/S086919080037623-2

МИГРАЦИИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КЫПЧАКА
В XII в.: ВЛИЯНИЕ КАРА-КИТАЙСКОГО ФАКТОРА¹

© 2026

Д.М. ТИМОХИН ^a

^a – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Резюме: Представленная статья в какой-то мере обобщает опыт предшествующих исследований, проведенных автором в отношении миграции кочевых тюркских племен Восточного Дешт-и Кыпчака в домонгольский период. Однако если ранее мы обращались преимущественно к конкретным примерам перемещения того или иного племенного объединения, то в этой статье хотелось бы обратить внимания на причины этих миграционных процессов в XII в. Подобная проблематика сравнительно редко рассматривалась российскими и зарубежными специалистами в виду того, что мусульманские исторические и географические сочинения содержат в себе весьма ограниченный объем сведений по этому поводу. Несмотря на это, автор данного исследования ставит перед собой цель суммировать все имеющуюся в источниках информацию о миграции кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака в XII в. и постараться ответить на вопрос о том, что именно в каждом конкретном случае послужило причиной начала переселения. Нами будут рассмотрены помимо хорошо известных специалистов племенных объединений, как кыпчаки, карлуки и гуззы, также и сравнительно менее известные «мангышлаки» и йазыры. При этом стоит обратить внимание, что в первой половине XII в. в пределах Каишгара и Баласагуна формируется новое государственное образование – держава кара-китаев. В связи с этим мы постараемся уделить пристальное внимание тому, как этот актор взаимодействовал с кочевыми тюркскими племенами и насколько обоснованной является точка зрения о том, что именно кара-китаи оказали важнейшее влияние на миграционные процессы в Восточном Дешт-и Кыпчаке в XII в. Подобное исследование позволит не только лучше понимать особенности взаимодействия между державой кара-китаев и кочевниками, но и выделить иных политических акторов, действия которых могли стать причиной переселения кочевых объединений. Надеемся, что статья окажется полезной широкому кругу читателей, интересующихся историей тюркских кочевников.

Ключевые слова: кочевые тюркские племена, кара-китаи, мусульманская историография, Хорезм, Хорасан, Мавераннахр

Для цитирования: Тимохин Д.М. Миграции кочевых племен Восточного Дешт-и Кыпчака в XII в.: влияние кара-китайского фактора. *Восток (Oriens)*. 2026. № 2. С. 75–86. DOI: 10.31696/S086919080037623-2

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (<https://rscf.ru/project/23-18-00659/>), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера).

MIGRATIONS OF NOMADIC TRIBES OF EASTERN DESHT-I QIPCHAK
IN THE 12TH CENTURY: THE INFLUENCE OF THE QARA-KHITAY FACTOR²

© 2026

Dmitry M. TIMOKHIN ^a

^a – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Abstract: *The presented article to some extent summarizes the experience of previous studies conducted by the author regarding the migration of nomadic Turkic tribes of eastern Desht-i Qipchak in the pre-Mongol period. However, if earlier we focused mainly on specific examples of the movement of a particular tribal association, then in this article we would like to draw attention to the causes of these migration processes in the 12th century. Such issues have been relatively poorly studied by Russian and foreign experts, since Muslim historical and geographical writings contain a very limited amount of information on this subject. Despite this, the author of this study sets out to summarize all the information available in the sources about the migration of the eastern Desht-i Qipchak nomads in the 12th century and try to indicate what exactly caused the migration in each particular case. In addition to well-researched tribal associations such as Qipchaks, Qarluks and Guzgs, we will also consider the relatively lesser-known Mangyshlaks and Yazys. It is worth noting that in the first half of the 12th century, a new state entity was formed within Kashgar and Balasagun – the state of the Qara-Khitay. In this regard, we will try to pay close attention to how this actor interacted with nomadic Turkic tribes and assess the viability of the position that the Qara-Khitay had the most influence on the migration processes in eastern Desht-i Qipchak in the 12th century.*

Keywords: nomadic Turkic tribes, Qara-Khitay, Muslim historiography, Khorezm, Khorasan, Transoxiana

For citation: Timokhin D.M. Migrations of nomadic tribes of Eastern Desht-i Qipchak in the 12th century: the influence of the Qara-Khitay factor. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 2. Pp. 75–86. DOI: 10.31696/S086919080037623-2

ВВЕДЕНИЕ

Миграцию кочевых тюркских племен Восточного Дешт-и Кыпчака в первой половине XII в. вряд ли следует считать слабоизученной научной проблематикой: начиная с трудов В.В. Бартольда [Бартольд, 1963], российские и зарубежные исследователи уделяли большое внимание этому процессу, как в составе общих работ, так и в рамках специальных исследований (см.: [Тимохин, Тишин, 2018]). Однако ученых в большей степени интересовал сам по себе процесс миграции того или иного племенного объединения и его конечный результат – особенно, если речь шла о столкновении с оседлыми политиями [Тимохин, 2023]. При этом вероятный комплекс причин, приведших к тому или иному переселению кочевников, гораздо реже становился предметом специального изучения, что, вероятно, обусловлено сравнительно небольшим объемом сведений в составе, прежде всего, мусульманской историографии. Действительно, средневековые географы и историки сравнительно редко

² The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659, (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00659/>), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera).

приводят информацию о том, что послужило причиной миграции конкретного кочевого объединения, особенно если речь идет о событиях XII в.: так, нами уже неоднократно отмечалось, что приводимые рассказы о миграции тюркских племен на поверку оказываются сведениями, заимствованными из более ранних трудов и не имеющих никакого отношения к данному историческому периоду [Тимохин, Тишин, 2024]. Разумеется, это создает определенные сложности для исследователя, однако, как нам кажется, даже сравнительно небольшой массив информации может позволить сделать осторожные выводы о том, какие факторы способствовали миграции кочевых тюркских племен в первой половине XII в.

В предшествующих исследованиях нами были рассмотрены конкретные примеры миграции кочевников в XII в. и было отмечено, что важной причиной этому стало формирование державы кара-китаев, а также военные и политические действия ее правителей [Тимохин, 2024(1); 2024(2); 2025]. Здесь сразу же подчеркнем, что кара-китай и их государство как фактор, повлиявший на миграцию кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака, не становились предметом специального изучения. В классических работах по истории кара-китайской государственности этой проблеме не посвящено отдельного раздела, например, в исследовании Г.Г. Пикова [Пиков, 1989, с. 53–116]. В работе же М. Биран, хоть и выделена глава «Кочевники», но в ней речь идет в большей степени о самих кара-китаях, а не о тюркских племенах Восточного Дешт-и Кыпчака [Biran, 2005, p. 132–171]. Нам же хотелось бы не только обобщить наработанный материал в отношении миграционных процессов в указанном регионе, но и продемонстрировать, как «кара-китайский фактор» прямо или косвенно повлиял на передвижение кочевых тюркских племен в первой половине XII в.

МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ НАКАНУНЕ КАРА-КИТАЙСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Начало формирования в Восточном Туркестане державы кара-китаев относится исследователями либо ко второй половине 1120-х гг. [Пиков, 1989, с. 65–66], либо к самому началу 1130-х гг. [Biran, 2005, p. 36–37]. При этом, как сообщает Г.Г. Пиков со ссылкой на сочинение ал-Марвази «Таба'и' ал-хаййаван», все те же кидани в более ранний период спровоцировали переселение кочевых племен [Пиков, 1989, с. 73]. *«Среди них есть такие, которые зовутся Куны (قون); они прибыли из земель Китая (قائان), опасаясь Кита-хана (قائاخان). Они были христианами несторианского толка, а покинули земли свои из-за того, что их пастбища стали для них тесны. Из их числа был Акинджи ибн Кочкар (اكنجى بن قچگار) (о нем см.: [Timokhin, 2024]), хорезмшах. Кунов преследовал народ, который называется Кайи (قاي), который был гораздо многочисленнее и сильнее, чем они и прогнал их (Кунов. – Д.Т.) с их пастбищ. Тогда они ушли в землю Шары (الشارية), а Шары ушли в землю Туркмен (التركمانيه), которые в своих очередь переместились в восточную часть территории страны Гуззов (الغوزية). Тюрки Гуззы ушли в землю Баджанак (البجناكية), которая рядом с Армянским морем» [Marvazi, 1942, p. 29–30, f. 20b]. Впрочем, эта миграция была отнесена Г.Г. Пиковым к первой половине XI в., что поддерживает и М. Биран [Biran, 2005, p. 34–35].*

Однако при внимательном прочтении описания, которое приводит ал-Марвази, бросается в глаза упоминание Икинчи ибн Кочкара³ – сельджукского наместника в Хорезме в конце XI в. [Бартольд, 1963, с. 386]. Как отмечал уже В.Ф. Минорский, назначение на подобную должность должно было означать, что Икинчи ибн Кочкар имел высокий статус среди кочевников, чья миграция была по какой-то причине связана с Хорезмом и прилегающими к нему регионами. *«Весьма вероятно, что два этапа миграции, «Кайи-Куны-Шары» и «Туркмены-Гузы-Печенеги» были связаны вместе в какой-то центральной точке, какой являлся Хорезм. Никто не соотносится с этим фактом лучше, чем Икинчи бен Кочкар»*

³ Сообщение ал-Марвази о нем повторяет также и Мухаммад 'Ауфи [Бартольд, 1898, §. 99]. – Д.Т.

[Marvazi, 1942, p. 102]. Нами была аргументирована точка зрения [Timokhin, 2024], что этот хорезмийский наместник может быть соотнесен с упоминаемым у Джузджани «Кутб ад-Дин Аибек, Тюрком». «...Кутб ад-Дин Аибек, Тюрк, пришел, со своим племенем и родом из числа племен Кифчак и Кангли, к пределам Джэнды и Хорезма, со стороны земель Сухари [Сахари], и долгое время обитал в тех урочищах при условии подчинения хорезмийским правителям Абу Джафару и Мамуну и их потомству, использовал для проживания пустоши и пастбища» [Tabakāt-i-Nāṣirī, 1881, p. 233]. Несмотря на то, что последний связан с иными тюркским племенными объединениями, его биография схожа с жизнью Икинчи ибн Кочкара.

Давление киданей в первой половине XI в. стало одной из причин нескольких волн миграции, которые мусульманские историки и географы фиксируют, не всегда указывая их причину, отмечая лишь конечный результат. В данном случае весьма любопытен рассказ Мухаммада ибн Наджиба Бакрана о племени «мангышлак»: «Мангышлак (منقشلاق). Тюркское племя. По причине раздоров, которые произошли между ними и гуззами, они покинули место своего проживания и ушли в область Сийах-кух (سیاه کوه), которая находится рядом с морем Абескун (ابیسکون). Там они нашли источники чистой воды и пастбища, так что там остановились жить. Их называют племенем мангышлак, а их правителя именуют ханом» [Бакран, 1960, л. 17а]. Точное время переселения данного племени в пределы Мангышлака установить сложно, но их присутствие там было известно уже анонимному автору «Худуд ал-'Алам» (X в.) [Hudud al-'Alam, 1970, p. 60, f. 5b] и ал-Истахри [Bibliotheca geographorum Arabicorum, 1927, §. 219; Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, с. 169]. В обоих случаях фиксируется присутствие тюркского племени в пределах Мангышлака, однако анонимный автор отмечает здесь присутствие гуззов [Hudud al-'Alam, 1970, p. 60, f. 5b], а у ал-Истахри это «...племя из тюрков, они недавно поселились там из-за вражды, которая возникла между гуззами и ими...» [Bibliotheca geographorum Arabicorum, 1927, §. 219; Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, с. 169]. Нами уже отмечалось, что Бакран, по всей вероятности, опирался в этой части своего сочинения как раз на «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», однако в отношении переселения «мангышлаков» все равно остаются некоторые вопросы о времени их миграции и связи с гуззами [Тимохин, 2024(3)].

Если Бакран вслед за ал-Истахри фиксирует исторические события X в., то данная миграция, разумеется, остается вне сферы наших интересов, а вероятность связи между «мангышлаками» и гуззами мы уже рассматривали [Тимохин, 2025]. Однако миграция первых уже из пределов Мангышлака совершенно точно происходит в первой половине XII в., и здесь свою роль сыграли правители Хорезма: с нашей точки зрения, первое столкновение с «мангышлаками» произошло уже в годы правления хорезмшаха Кутб ад-Дина Мухаммада (1097–1127 гг.) [Ibn-el-Athiri Chronicon, 1864, §. 183; Ибн ал-Асир, 2006, с. 232], однако полностью подчинить себе этот регион и изгнать из него тюрков смог только его преемник, 'Ала' ад-Дин Атсыз (1127/1128–1156 гг.) [Ibn-el-Athiri Chronicon, 1864, §. 183; Бартольд, 1898, §. 37; Материалы по истории туркмен, 1939, с. 435; Ибн ал-Асир, 2006, с. 233]. Это событие, вероятно, можно датировать самым началом 1130-х гг., что странным образом совпадает с временем формирования кара-китайской державы [Бартольд, 1898, §. 37; Тимохин, 2024(3)]. Куда именно ушли остатки тюрков из Мангышлака, мусульманские авторы не сообщают, а сам рассказ о хорезмийском завоевании этих земель лишен важных подробностей [Бартольд, 1898, §. 37].

Возможной разгадкой этой проблемы может стать другое сообщение Бакрана о другом тюркском племени – йазыров. «Йазыр (یازر). Тюркское племя. Оно пришло в земли Балхана и его горы. Затем к ним присоединилось племя из Мангышлака и другое племя из Хорасана, после чего они стали сильным и многочисленным племенем. Поэтому они покинули то

место и пришли в Шахрастан (شهرستانه) и Фараву (فراو), а затем захватили и поселились в крепости Так (طاق). Теперь они включают в себя три племени: настоящие языры (يزير خالاس), мангышлаки (منقشلاغي) и барси (بارسى)» [Бакран, 1960, л. 17а]. В предшествующих переводах этого фрагмента мы видим попытку связать все три указанных племенных объединения, как подразделения «йязыров»: «собственно языры, языры мангышлакские и языры фаррские» [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, с. 349]. Однако это сообщение может быть интерпретировано иначе, а именно – среди мигрировавших племен были, собственно, йязыры, барси и те самые «мангышлаки», чей уход из Мангышлака был спровоцирован хорезмийскими походами⁴. Таким образом, рассказ Бакрана обретает не только большую ясность, но и может быть встроен в уже известную нам хронологию и аккуратно датировано 1130-ми гг. Этот автор также указывает и маршрут вероятной миграции «мангышлаков» вместе с йязырами и наличие у них крепостей [Бакран, 1960, л. 17а]. Последнее подтверждается и другими авторами на примере биографии мятежного хорезмийского наместника Кёзлик-хана.

Указанный наместник, согласно сведениям Ата-Малика Джувайни, «вынул руку из рукава мятежа в Шадийахе» [Ta'rikh-i-Jahán-gushá, 1916, §. 68], будучи при этом наместником над всеми землями Нишапура, однако после неудачи он уходит в Керман в сопровождении тюркских кочевников, среди которых были выходцы из «йязыров» [Ta'rikh-i-Jahán-gushá, 1916, §. 70]. Вряд ли из этого следует, что все это племенное объединение к началу XIII в. мигрировала в указанный регион: скорее всего, речь идет о переходе на военную службу к хорезмийским наместникам лишь отдельных представителей йязыров. «Среди них был один тюрк из йязыров, который предложил: “Самое лучшее решение в нашем случае – отправиться в земли йязыров и подчинить там их крепости нашей власти. Я могу отправиться туда первым, оценить обстановку и, если удастся, захватить одну из таких крепостей”» [Ta'rikh-i-Jahán-gushá, 1916, §. 71–72]. Упомянутые крепости и «земля йязыров», куда Кёзлик-хану было предложено уйти, вполне могут быть соотнесены с теми топонимами, которые приводит Бакран, что крайне важно для реконструкции миграции йязыров и, вероятнее всего, «мангышлаков».

Миграция гуззов в Хорасан детально реконструируется в мусульманской историографии, поскольку имеет прямое отношение к «Огузской смуте» 1153–1156 гг., равно как и последующие перемещения этого племенного объединения [Тимохин, 2023; 2025]. Что же касается переселения гуззов в Мавераннахр, откуда они в середине XII в. уйдут в Хорасан, то этот процесс начинается задолго до интересующего нас исторического периода. При этом С.Г. Агаджанов отмечает тот факт, что во второй половине XI в. «огузы и туркмены, жившие в Мавераннахре, оказались в зависимости от караханидов и хорезмшахов» [Агаджанов, 1969, с. 227]. Этот же исследователь подчеркивает связь между гуззами Мавераннахра и Хорезмом, которая существовала до «Огузской смуты» и была известна средневековым мусульманским авторам [Агаджанов, 1969, с. 227]. В качестве аргумента он приводит цитату из сборника Рашид ад-Дина Ватвата, в состав которого был включен целый ряд официальных документов XII в. Однако более точно датировать подобные переселения гуззов из Мавераннахра в Хорезм, вероятно, носящие при этом временный характер, не представляется возможным: речь может идти как об эпохе хорезмшаха Атсыза, на чем настаивает С.Г. Агаджанов, так и о более раннем периоде второй половины XI – начала XII вв.

⁴ Весьма любопытно в данном случае сообщение Ибн ал-Асира о событиях 555 г.х. (1160-ый г.), где он сообщает о йязырах, как о противниках Хорезма. Вероятно, это могло быть связано с более ранними походами хорезмшаха Атсыза в Мангышлак и в «пределы Туркестана», что спровоцировало миграцию тюркских племен [Ибн ал-Асир, 2006, с. 265]. – Д.Т.

Таким образом, накануне формирования кара-китайской державы какое-то, возможно, значительное количество представителей гуззского племенного союза находилось в пределах Мавераннахра, а благодаря правителям Хорезма – могло переселяться и в пределы этого региона. Забегая вперед, отметим, что подобная практика фиксируется в официальных документах хорезмийских правителей и в более поздний период, однако уже в отношении кыпчаков [Тимохин, 2024(1)]. При этом помимо миграции гуззов хорезмшахи оказались связаны с миграцией племени «мангышлаков», которое примкнуло к другой миграционной волне, связанной с племенем йазыров. О причинах, которые заставили последних сменить место проживания и уйти «в *Шахрастан и Фарау*», в домонгольской историографии нет однозначного объяснения⁵: Бакран указывает, в частности, на то, что йазыров стало слишком много, и в связи с этим они решились на переселение [Бакран, 1960, л. 17а]. Однако, как показывает сообщение Джувайни, удерживать вновь завоеванные земли йазырам удавалось вплоть до начала XIII в.: по крайней мере, свидетельство о наличии у них собственных крепостей связано с эпохой правления в Хорезме ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220 гг.) [Ta’rikh-i-Jahán-gushá, 1916, s. 71–72].

ФОРМИРОВАНИЕ КАРА-КИТАЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ И МИГРАЦИИ КОЧЕВЫХ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН

Вторжение кара-китаев в пределы Кашгара и Баласагуна, где они создали собственное государство, не было осуществлено одномоментно, а представляло собой серию военных походов [Ibn-el-Athiri Chronicon, 1876, s. 55; Бартольд, 1898, s. 37–38; Biran, 2005, p. 35–39; Ибн ал-Асир, 2006, с. 244]. В ходе одной из таких кампаний, согласно сведениям из «*Тарих-и джахангушай*» Джувайни, кара-китаи вытеснили из этих земель кочевые племена канглы и карлуков [Ta’rikh-i-Jahán-gushá, 1916, s. 87–88]. Миграция последних в результате вторжения кара-китаев рассматривалась нами в специальном исследовании [Тимохин, 2024(2)], а здесь же подчеркнем несколько важных моментов. Карлуки были вытеснены из пределов Кашгара и Баласагуна, вероятно, без существенного военного давления, а возможно, и по собственному желанию. Джувайни четко указывает на то, что кара-китаи разбили канглы, однако не сообщает ничего подобного в отношении карлуков [Ta’rikh-i-Jahán-gushá, 1916, s. 88]. Что касается миграции карлуков, то одна часть ушла в пределы Кайялыка и Алмалыка, где и проживала вплоть до начала монгольского нашествия, а другая, вероятно, большая их часть ушла в пределы Мавераннахра [Тимохин, 2024(2)].

Мусульманские источники не сообщают точной даты прибытия карлуков в Мавераннахр, однако вполне очевидно, что определенная часть их проживала в пределах этого региона и до прихода кара-китаев в земли Кашгара и Баласагуна [Ibn-el-Athiri Chronicon, 1876, s. 55; Biran, 2005, p. 42–43; Ибн ал-Асир, 2006, с. 243]. Новая волна карлукской миграции существенно усилило их позиции в регионе, что вызвало серьезное опасение у сельджукских наместников. Именно этот фактор стал одной из главных причин сражения на Катаванской равнине 1141 г. между сельджукской армией и карлуками, которых в этой битве поддержало кара-китайское войско [Histoire des seldjoudes, 1889, s. 276–280; Ravandi, 1921, s. 172–173; Nishaburi, 1953, s. 46]. Доминирование карлуков в Мавераннахре, особенно после победы в Катаванском сражении, провоцирует в свою очередь миграцию гуззов в земли

⁵ Здесь весьма привлекательной может показаться попытка связать эту миграцию с походами хорезмшаха Атсыза на Дженд и «вглубь Туркестана», которая была сопряжена, как мы отмечали, с вторжением в Мангышлак [Тимохин, 2024(3)]. Однако единственный синхронный источник, а именно анонимное персидское сочинение 1133 г. в составе «Йнша» («انشاء»), не содержит в себе никаких указаний на племенную принадлежность противников хорезмийского правителя [Бартольд, 1898, s. 37; Тимохин, 2022].

Хорасана, что приведет к еще одной катастрофе для сельджукской державы – «*Огузской смуте*» 1153–1156 гг. [Тимохин, 2023; 2025]. При этом вряд ли стоит считать карлуков в Мавераннахре чем-то вроде «*кара-китайских федератов*»: многие мусульманские историки прямо подчеркивают, что это кочевое объединение, придя в Мавераннахр, попыталось стать подданными сельджукского султана Му‘изз ад-Дина Абу-л-Хариса Ахмада Санджара (см.: [ал-Хусайни, 1980, с. 91]).

Последовавшие за битвой на Катаванской равнине события лишь подтверждают тот факт, что союз между кара-китаями и карлуками был временной мерой, которая была выгодна обеим сторонам. Как только Мавераннахр подчинился гур-хану, кара-китайская политика в отношении этого кочевого объединения меняется: Ибн ал-Асир даже сообщает о том, что предполагалась переселение карлуков в пределы Кашгара и попытка их насильственного «перевода» к оседлому образу жизни [*Ibn-el-Athiri Chronicon*, 1876, §. 205; Ибн ал-Асир, 2006, с. 267]. Впрочем, вместо этого кара-китаями была инициирована кампания против карлуков в Мавераннахре силами наместника Самарканда и Бухары, Чагры-хана, в 1163–1164 гг., так что значительная часть их была здесь уничтожена [*Ibn-el-Athiri Chronicon*, 1876, §. 206; Бартольд, 1898, §. 71; Ибн ал-Асир, 2006, с. 268], а остатки ушли на службу к хорезмийскому правителю Абу-л-Фатху Ир-Арслану (1156–1172 гг.) [ал-Хусайни, 1980, с. 131–132]. Таким образом, кара-китаи первоначально спровоцировали масштабное переселение карлуков в Мавераннахр, а затем сами же и очистили эти земли от их присутствия, пусть и чужими руками.

Теперь хотелось бы обратить внимание на другое племенное объединение, которое было вытеснено кара-китами из Баласагуна и Кашгара, а именно – канглы. Миграция последних, вероятно, одно из самых «темных» мест в мусульманской историографии домонгольского периода: как уже отмечалось выше, Джувайни фиксирует захват кара-китаями «земли канглы», однако ничего не сообщает в этой части своего сочинения об их дальнейшей судьбе [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá*, 1916, §. 88]. Далее этот мусульманский историк лишь обозначает дальнейшие завоевания кара-китаев: «После этого, желая отомстить за то, как с ним обошлись, он направил войска в земли киргизов (قيرغيز). Он подчинил себе Беш-Балыг (بيش باليغ) и уже оттуда отправил войска в Фергану (فرغانه) и Мавераннахр (ماورا النهر), которые также стали подчиняться им. А султаны Мавераннахра, которые были отцом и дедом султана Усмана, получили от него фирман [на управление]» [*Ta'rikh-i-Jahán-gushá*, 1916, §. 88]. Что же касается непосредственно судьбы канглы, то можно предположить, что ко второй половине XII в. они мигрируют в земли Хорезмийской державы в составе кыпчакского племенного объединения. Это объясняет, в частности, путаницу с происхождением жены хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Текиша (1172–1200), которая по сведениям отдельных источников принадлежала как раз к канглы; вместе с ней на хорезмийскую службу перешло значительное количество ее соплеменников [Тимохин, Тишин, 2018]. При этом реконструировать весь путь переселения этого племенного объединения не представляется возможным исходя из имеющейся источниковой базы.

Если принять гипотезу о том, что канглы все-таки были инкорпорированы в состав Хорезмийской державы, то следует признать, что современники никак не выделяли их из кыпчакской среды, так что они могли нести военную службу, в том числе в Дженде и прилегающих к нему землях, как об этом сообщает Баха ад-Дин ал-Багдади [al-Bagdadi, 1937, §. 158]. Последний указывает, что в годы правления хорезмшаха Текиша представители кыпчакского племенного объединения переселялись именно в этот регион для несения военной службы. Можно допустить, что вместе с ними сюда могли мигрировать и канглы. Несколько усложняет ситуацию указание Джузджани в «*Табакат-и Насири*», который датирует прибытие «племен Кифчак и Кангли, к пределам Дженда и Хорезма» [*Tabakat-*

i-Nāṣirī, 1881, p. 233] как событие конца XI в., если исходить из контекста описания. В таком случае исследователь может предположить две волны миграции канглы, одна из которых являлась следствием формирования державы кара-китаев, а вот о причинах более раннего переселения мусульманские источники не сообщают.

Нельзя исключать, что Джузджани «смешал» в своем нарративе хорошо известные по другим мусульманским источникам события второй половины XII в., то есть упомянутый союз между Текишем, кыпчаками и, возможно, канглы, – и в таком случае никакой более ранней волны миграции не было [Тимохин, 2021]. Эта точка зрения может быть обусловлена молчанием по данному поводу других мусульманских авторов помимо Джузджани, однако стоит обратить внимание на некоторые дополнительные моменты. В исследовательской среде первая точка зрения нашла свое отражение в классической работе С.М. Ахинжанова, который настаивает на том, что кыпчакское племенное объединение взаимодействовало с хорезмийскими правителями до Текиша. В частности, этот ученый считал, что именно против кыпчаков были направлены походы хорезмшаха Атсыза, однако в это сложно поверить в виду полного отсутствия упоминаний конкретных племенных объединений в мусульманских источниках при описании названных событий [Ахинжанов, 1995, с. 209–213]. В то же время С.М. Ахинжанов отмечает тот факт, что при хорезмшахе Ил-Арслане был заключен один из первых союзов между Хорезмом и кыпчаками [Ахинжанов, 1995, с. 214]. В качестве источника в данном случае фигурирует все то же сочинение Джузджани, где сказано: «Он (т.е. хорезмшах Ил-Арслан. – Д.Т.) заключил союз с ханами Кыпчаков и для защиты своих владений употребил все силы и возможности» [*Tabakāt-i-Nāṣirī*, 1881, p. 239].

Таким образом, один и тот же персидский историк достаточно ясно выстраивает концепцию взаимодействия между с хорезмийскими правителями и кыпчакским племенным союзом, начиная с конца XI в. С учетом того, что у Джузджани, очевидно, были информаторы как раз из представителей кыпчакской элиты, подобное построение нельзя игнорировать полностью [Тимохин, 2021, с. 261–281]. Здесь стоит обратить внимание и на приведенное выше описание «ранней миграции» «племен Кифчак и Кангли, к пределам Дженда и Хорезма» [*Tabakāt-i-Nāṣirī*, 1881, p. 233], где важно отметить первый топоним. Захваченный уже в годы правления Атсыза Дженд становится важным центром взаимодействия хорезмийских правителей с кочевым миром: именно туда хорезмшахи будут отправлять в качестве наместников своих старших сыновей, как это сделали Атсыз и затем Ил-Арслан. Именно Дженд обеспечит Текиша военной поддержкой «тюрок» в начале борьбы за хорезмийский престол с собственным братом – Султан-шахом Махмудом [Тимохин, 2019].

Указание ал-Багдади на переселение кыпчаков в район Дженда в годы правления хорезмшаха Текиша может быть рассмотрено не просто как констатация факта, но и как определенная тенденция, сложившаяся при более ранних хорезмийских правителях [al-Bagdadī, 1937, §. 158]. Помимо свидетельства Джузджани, у нас нет иных доказательств миграции кыпчаков и канглы в пределы Хорезма и Дженда в конце XI – начале XII вв., однако политические и военные действия хорезмшахов Атсыза и Ил-Арслана способствовали укреплению взаимодействия Хорезма с кочевниками на фоне усиливающейся кара-китайской угрозы, и ключевым центром этого взаимодействия станет Дженд. Мусульманские источники не сообщают сведений об инкорпорировании кыпчаков и канглы в состав Хорезмийской державы при указанных правителях: единственное племенное объединение, часть которого будет включена в состав военной элиты Хорезма, – это карлуки в годы правления Ил-Арслана [ал-Хусайни, 1980, с. 131–132]. Однако на фоне борьбы за «сельджукское наследство» в Хорасане и Мавераннахре, которое развернется между хорезмшахами, Гуридами и кара-китаями во второй половине XII в., канглы в составе кыпчакского племенного союза вполне могли начать массовое переселение в пределы Хорезма, что и было зафиксировано

в той или иной степени мусульманскими авторами. Подобный процесс мог быть обусловлен не только политикой, проводимой хорезмийскими правителями в отношении кочевых тюркских племен Восточного Дешт-и Кыпчака, но и военными и политическими последствиями формирования кара-китайской державы.

Еще раз напомним, что завоевание кара-китаями Кашгара и Баласагуна не только спровоцировали миграцию карлуков и канглы, но и стали косвенной причиной дальнейшего переселения кочевников, то есть произошел своеобразный «*эффект домино*», поскольку приход карлуков в Мавераннахр спровоцировал уход в Хорасан гуззов. Последние были вынуждены выступить против все того же султана Санджара и положить начало упомянутой нами «*Огузской смуты*» 1153–1156 гг.: в этом случае кара-китай активно не вмешивались в дела Хорасана и не поддерживали гуззов, но косвенно повлияли на ситуацию «*усилив*» карлукское присутствие в Мавераннахре [Тимохин, 2024(2)]. Относительно маршрутов миграции гуззов обозначим, что после победы над сельджукской армией и пленения султана Санджара гуззы активно разоряют земли Хорасана и сопредельных регионов [Тимохин, 2025]. Впрочем, их присутствие вместе с йазырами отмечается Ибн ал-Асиром и на территории Мазандарана [Ибн ал-Асир, 2006, с. 265–266].

Таким образом, гуззы после победы над султаном Санджаром, его пленения и последующей смерти в 1157 г. становятся важным инструментом в борьбе различных политических сил за «*сельджукское наследство*». Именно это в конечном итоге сделало племенной союз «*всеобщим врагом*», поскольку, когда отпала необходимость в их военной поддержке для правителей Хорасана и соседних регионов, эти кочевники продолжали свои набеги и грабеж населения. Лишь после миграции в Керман гуззы пытаются встроиться в политическую и структуру завоеванного региона, а в пределах Хорасана подобных попыток ими предпринято не было [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 150; Kermānī, 1947, s. 107–108; al-Qummi, 1985, s. 235]. Подобные действия гуззов во многом объясняют все те негативные эпитеты, которыми их награждают мусульманские историки и географы домонгольской эпохи. Не даром Бакран в своем описании переселений тюрок лишь к гуззам приводит эпитет – «*Да уничтожит Аллах их остатки!*» [Бакран, 1960, л. 17а].

Гораздо важнее подчеркнуть, что миграция гуззов представляет собой наиболее масштабное переселение кочевников, как минимум, исходя из его последствий. К началу 1170-х гг., когда остатки гуззов уходят в Керман, а на территории Хорасана продолжается борьба между наследниками хорезмшаха Ил-Арслана, Султан-шахом Махмудом и Текишем, последний заручается поддержкой кыпчакского племенного объединения и связанного с ним племенем канглы [Golden, 1986 [1987], p. 23, note 78; Juwaini, 1997, p. 465]. Давление кара-китаев, вероятно, сказывалась на этих племенных объединениях и заставляло их переходить на хорезмийскую службу, что было выгодно и самим хорезмшахам. Именно правители Хорезма во второй половине XII в. и особенно в начале XIII в. станут ключевыми противниками кара-китаев в борьбе за Мавераннахр и Хорасан, что также может объяснить переход на хорезмийскую службу кочевых тюркских племен, вынужденных мигрировать как раз по причине кара-китайского давления. Именно на хорезмийскую службу переходят остатки разбитых по приказу гур-хана карлуков, так что можно сказать, у хорезмшахов уже был опыт привлечения на свою сторону недовольных кара-китаями представителей кочевых объединений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что миграцию кочевых тюркских племен Восточного Дешт-и Кыпчака в XII в. вряд ли можно окончательно реконструировать в виду сравнительно скудных све-

дений в источниках, нам удалось прийти к некоторым промежуточным выводам. До формирования державы кара-китаев важным фактором, повлиявшим на переселения отдельных кочевых племен, стали военные и политические действия хорезмийских правителей. Так, хорезмшах Атсыз благодаря походам на Дженд и Мангышлак спровоцировал миграцию из пределов последнего кочевого племени, известного в историографии как «мангышлаки». Те в свою очередь объединились с йазырами и вторглись в пределы оседлых регионов, не только захватывая крепости, но и переходя на службу к различным правителям, что позволило им участвовать в событиях, происходивших в Мазандаране и Нишапуре. В свою очередь захват Дженда хорезмийцами позволил им оказывать существенное влияние на кочевые тюркские племена и впоследствии заключать важные союзы и принимать на военную службу.

Как только кара-китаи захватывают земли Кашгара и Баласагуна, ситуация в оседлых регионах, связанных с Дешт-и Кыпчаком, существенно усложняется: заставив мигрировать канглы и карлуков, кара-китайские правители, возможно, сами того не желая, нанесли сокрушительный удар по сельджукскому государству в Хорасане. Значительное количество карлуков под давлением кара-китаев вынуждено было переселиться в Мавераннахр, вытеснив оттуда гуззов в пределы Хорасана: оба этих племенных объединения приняли участие в разгроме Сельджукской державы. На ее руинах начинается война за «сельджукское наследство», в которой эти кочевые объединения примут качественно разное участие. Карлуки с самого начала будут дестабилизирующим фактором в Мавераннахре, который кара-китаи сумеют ликвидировать, а гуззы будут использоваться разными политическими силами, однако в начале 1170-х гг. они уйдут в Газну и Керман. Остатки карлуков перейдут на хорезмийскую службу – хорезмшахи в борьбе с Гуридами и кара-китаями использовали в том числе карлуков – а затем станут инициаторами перехода на свою сторону кыпчаков и канглы. Переселение последних обусловлено формированием державы кара-китаев, однако финал их миграции, очевидно, связан с действиями хорезмийских правителей. Последние даже в годы существования державы кара-китаев продолжали оказывать влияние на кочевой мир и использовать тюркские племена в своих военных и политических интересах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад: Ылым, 1969 [Agadzhanov S.G. *Essays on the History of the Oghuz and the Turkmens of Central Asia, 9th–13th centuries.* Ashkhabad: Ylym, 1969 (in Russian)].

Ахинжанов С.М. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана.* Алма-ата: Гылым, 1995 [Akhinzhonov S.M. *Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan.* Alma-Ata: Gylym, 1995 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты.* СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898 [Bartold V.V. *Turkestan during the Mongol invasion. Part 1. Texts.* Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1898 (in Arabic and Persian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* Бартольд В.В. *Сочинения. Т. I.: Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* М.: Наука, 1963 [Bartold V.V. *Turkestan during the Mongol invasion. Bartold V.V. Works. Vol. I: Turkestan during the Mongol invasion.* Moscow: Nauka, 1963 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». *Избранные отрывки.* Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Athir. “*Al-Kamil fi-t-Tarikh*” “*The Complete History*”. *Selected passages.* P.G. Bulgakova, Sh.S. Kamoliddina (tr.) Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)].

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. *Арабские и персидские источники VII–XV вв.* Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939 [Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan. Vol. I. *Arabic and Persian sources, 7th–15th*

centuries. S.L. Volin, A.A. Romaskevich, A.Y. Yakubovsky (eds.) Moscow–Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1939 (in Russian)].

Мухаммад ибн Наджиб Бакран. *Джахан-наме («Книга о мире»)*. Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: ГРБЛ, 1960 [Muhammad ibn Najib Bakran. *Jahan-nameh* ("The Book of the World"). Yu.E. Borshchevsky (ed.) Moscow: GRVL, 1960. (in Persian)].

Пиков Г.Г. *Западные кидани*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989 [Pikov G.G. *Western Khitans*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1989 (in Russian)].

Садр ад-Дин ‘Али ал-Хусайни. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях»)*. Пер. З.М. Буниятов. М.: Восточная литература, 1980 [Sadr ad-Din ‘Ali al-Husajni. *Ahbar al-Dawlat al-Seljukiiyah (Zubdat al-tawarikh fi ahbar al-umarah wa al-muluk al-seljukiiyah)* ("Reports on the Seljuk state". "The cream of chronicles, telling about the Seljuk emirs, and the lords"). Z.M. Buniyatov (tr.) Moscow: Vostochnaya literatura, 1980 (in Russian)].

Тимохин Д.М. О роли городов во взаимодействии Хорезма и кочевых племен Дешт-и Кыпчака в конце XI–XII веков на примере Дженда. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 3(9). С. 134–142 [Timokhin D.M. On the Role of Cities in Interaction of Khorezm and the Nomadic Tribes of the Dasht-i Qipchak at the End of XI–XII Centuries on the Example Jand. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019. No. 3(9). Pp. 134–142 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Сочинение Джужджани *Табакат-и Насири* как источник по истории Хорезма. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 30: *Письменные памятники Востока: Проблемы перевода и интерпретации. Избранные доклады: Том IV*. Отв. ред. выпуска Л.В. Горяева, В.Н. Настич. М.: ИВ РАН, 2021. С. 261–281 [Timokhin D.M. Juzjani's *Tabakat-i Nasiri* as a source for the history of Khorezm. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Issue 30. *Written Sources of the East. Problems of Translation and Interpretation. Selected papers. Volume IV*. L.V. Goryaeva, V.N. Nastich (eds.) Moscow: IOS RAS, 2021. Pp. 261–281 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Еще раз о кара-китах в домонгольских мусульманских источниках на примере анонимного персидского сочинения 1133 г. *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 2. С. 371–382 [Timokhin D.M. Once again about the Kara Khitai in pre-Mongol Muslim sources: one anonymous Persian essay of 1133 revisited. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 371–382 (in Russian)].

Тимохин Д.М. «Огузская смута» 1153 г. и ее последствия по данным мусульманских источников. *Патриарх отечественной тюркологии: сборник статей памяти Д.Д. Васильева*. Отв. ред. А.Д. Васильев и др. М.: ИВ РАН, 2023. С. 165–184 [Timokhin D.M. "The Oguz Unrest" of 1153 and its consequences according to Muslim sources. *The Patriarch of Russian Turkology: Collection of articles in memory of D.D. Vasiliev*. A.D. Vasiliev et al. (eds.) Moscow: IOS RAS, 2023. Pp. 165–184 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Инкорпорирование кочевников в военную и административную систему оседлых политий: на примере Хорезма в домонгольский период. *Восток (Oriens)*. 2024(1). № 4. С. 26–37 [Timokhin D.M. Incorporation of nomads into military and administrative system of settled polities: the example of Khorezm in pre-Mongol period. *Vostok (Oriens)*. 2024(1). No. 4. Pp. 26–37 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Кочевые тюркские племена и их роль в политической истории Мавераннахра в XII в.: на примере карлуков. *Восток (Oriens)*. 2024(2). № 1. С. 59–69 [Timokhin D.M. Nomadic Turkic tribes and their role in political history of Transoxiana in XII century: on the example of Qarluks. *Vostok (Oriens)*. 2024(2). No. 1. Pp. 59–69 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Кочевые тюркские племена Мангышлака в конце XI – первой половине XII в.: по сведениям мусульманской историографии домонгольского периода. *Ориенталистика*. 2024(3). Т. 7. № 1. С. 53–67 [Timokhin D.M. Nomadic Turkic tribes of Mangyshlak at the end of the XIth - first half of the XIIth centuries: according to the Muslim historiography of the pre-Mongol period. *Orientalistica*. 2024(3). Vol. 7. No. 1. Pp. 53–67 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Миграция гуззов во второй половине XII в. по данным мусульманских источников. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 35–46 [Timokhin D.M. Migration of Guzz in the second half of the 12th century according to Muslim sources. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 35–46 (in Russian)].

Тимохин Д.М., Тишин В.В. *Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв.* М.: ИВ РАН, 2018 [Timokhin D.M., Tishin V.V. *Essays on the history of Khorezm and East Desht-i Kipchak in 11th – early 13th centuries*. Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Описание кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в мусульманских сочинениях первой половины XIII в.: к проблеме историографической преемственности. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. No. 1. С. 105–118 [Timokhin D.M., Tishin V.V. Description of nomadic Turkic tribes of Eastern Desht-i Kipchak in Muslim writings of the first half of the 13th century: on the problem of historiographical continuity. *RUDN Journal of World History*. 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 105–118 (in Russian)].

Afzal al-Dīn Kermānī. *Tarih-i Afzal ya Badaye' al-zaman fi wakaye'e Kerman*. Tehran: Chaphaneye Daneshgah, 1947 (in Persian).

Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadi. *at-Tavassul ila at-Tarassul*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937 (in Persian).

Bibliotheca geographorum arabicorum. Vol. I. *Viae regnorum; descriptio ditionis Moslemicae, auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhrī*. M.-J. de Goeje (ed.) Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1927 (in Arabic).

Biran M. *The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli). The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986[1987]. Vol. VI. Pp. 5–29.

Histoire des seldjoudes de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. *Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoudes*. M.Th. Houtsma (ed.) Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1889 (in Arabic).

Hudūd al-'Ālam. "The Regions of the World", *A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D.* 2nd ed., with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky. C. E. Bosworth (ed). London: Luzac, 1970.

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 10. *Annos H. 451–527*. C.J. Tornberg (ed.) Leiden and Uppsala: E. J. Brill, 1864 (in Arabic).

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 11. *Annos H. 527–583*. C. J. Tornberg (ed.) Leiden and Uppsala: E. J. Brill, 1876 (in Arabic).

Juwaini. *The History of the World-conqueror*. Vol. 2. J.A. Boyle (tr.) Manchester: Manchester University Press, 1997.

Marvazi Sharaf al-Zaman Tahir. *On China, the Turks and India*. V. Minorsky (tr., comm.) London: The Royal Asiatic Society, 1942.

Mohammad ibn Ibrahim. *Tavvarih-e al-e saljouk*. *Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoudes*. Vol. I. M.Th. Houtsma (ed.) Leiden: E.J. Brill, 1886 (in Persian).

Nishaburi Zahir ad-Din. *Salguk-name*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1953 (in Persian).

al-Qummi Najm al-Din Abu l-Riza'. *Tarih al-Wuzara*. Muhammed Taki Dānish-Pazūh (ed.) Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-i Farhangi, 1985 (in Persian).

Ravandi M. *Rahat as-sudur va ayat as-sorur*. M. Iqbal (ed.) Leiden - London: Luzac & Co., 1921 (in Persian).

Tabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān. Vol. I. H.G. Raverty (tr.) London: Gilbert & Rivington, 1881.

Ta'rikh-i-Jahān-gushā of 'Alā'u d-Dīn 'Aṭa Malik-i Juwaynī (composed in A.H. 658 = A.D. 1260). M. Qazvīnī (ed.) Leiden: E.J. Brill; London: Luzac & Co., 1916 (in Persian).

Timokhin D.M. Muslim Sources about the Turkic Governors of Khorezm: On the Example of Ikinchi ibn Kochkar and Anush-Tegin Garcha. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2024. No. 16. Issue 4. Pp. 694–706.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия.

Dmitriy M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia.